

Сиденко В.Р.*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Нынешний глобальный финансово-экономический кризис имеет все черты *системного кризиса*, а значит, он многообразный в своих проявлениях и многофакторный с точки зрения его движущих сил. В нем мы наблюдаем наложение друг на друга разнообразных причинно-следственных связей, что придает ему трудно прогнозируемый характер. Это также означает, что анализ данного процесса может быть плодотворным лишь с разных ракурсов и, скорее всего, междисциплинарных позиций. Поэтому представляемые ниже соображения относительно международных аспектов кризиса – лишь один из возможных подходов, хотя и имеющих ключевое значение ввиду глобального характера кризисного процесса.

Исходя из вышеотмеченных особенностей аналитического подхода, следует прежде всего выяснить, каким образом сами процессы глобализации влияют на возможность возникновения кризисных явлений, на механизмы их распространения. Это, конечно же, не означает, что глобализация имеет преимущественно негативный характер. Ведь ее позитивные стороны получили достаточно широкое освещение, включая следующие ее выгоды: расширение сферы экономических действий и получение вследствие этого большой экономии от увеличения масштаба; повышение степени гибкости в хозяйственной деятельности; возможность концентрации ресурсов в местах, где это может принести максимальный экономический эффект; расширение источников обеспечения экономического развития и роста (иностранные инвестиции, зарубежные технологии) и др. Однако в экономике очень часто те же процессы, которые создают преимущества, одновременно порождают и определенные риски, негативные побочные эффекты – и нынешний кризис это наглядно подтверждает.

В этой связи необходимо принять во внимание, что глобализация самым тесным образом связана с либерализацией экономики и процессов обмена между национальными хозяйствами. Это имеет своим следствием образование мощных *механизмов трансмиссии* как позитивных, так и негативных экономических эффектов, кризисных экономических явлений. В этих условиях становятся возможными явления *внешнего «заражения»* отдельных национальных экономик, т.е. экзогенное возникновение в них кризисных процессов при наличии в целом разумной и взвешенной макроэкономической политики¹. Под влиянием внешнего катализатора кризисных явлений потенцируются даже малейшие нарушения и дисбалансы во внутренней структуре экономики.

Как следствие протекания процессов глобализации с ее механизмами трансмиссии происходит очевидная *синхронизация* экономических циклов, что чрезвычайно затрудняет меры антикризисной политики. В этих условиях какому-либо национальному правительству уже трудно маневрировать, к примеру, замещая недостаток внутреннего спроса стимулированием экспорта (спрос в условиях глобального кризиса падает по всему

* доктор экономических наук., член-корреспондент Национальной академии наук Украины, главный научный сотрудник Института экономики и прогнозирования Национальной академии наук Украины

¹ Это свойство ярко проявилось во время азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг.о

миру!). Аналогично, трудно рассчитывать покрывать недостаток ресурсов для борьбы с кризисом масштабными внешними заимствованиями: платежные трудности начинают испытывать многие страны, которые почти одновременно обращаются за кредитами к международным финансовым институтам.

Другим важным глобализационным процессом является нарастающая тенденция к *гомогенизации*, которая связана не только с объективными потребностями в выработке согласованных или даже единых институциональных механизмов мирового хозяйства, но и с нарастающими процессами переноса зарубежного опыта в национальную среду других стран (т.е. происходит интенсификация процесса *мимесиса*). Этот процесс наиболее явно выступает в тенденции к американизации национальных культурных пространств, что накладывает существенный отпечаток и на модели национального экономического поведения. Причем последнее имеет место практически безотносительно к наличию объективных внутринациональных предпосылок для такого рода поведения, индуцированного внешним примером.

Сказанное выше, в частности, в полной мере относится к сегодняшней украинской действительности, где в последнее время получила интенсивное распространение американская модель потребительского поведения, ориентированная на жизнь в кредит, а в политике банковской сферы – на всемерное раздувание кредитной экспансии, базирующейся на ипотеке. И это в стране, находящейся на существенно низшем уровне экономического развития, с гораздо более ограниченными, чем в США, ресурсами и значительно более слабыми регулятивными институтами.

В условиях глобализации обозначилась еще одна важнейшая тенденция – к *гипертрофии* финансового капитала, который предстает сердцевиной глобального капитала. Причем мировые рынки капитала все более *виртуализируются* вследствие, по существу, злокачественного роста рынка т.н. финансовых деривативов («*деривативная революция*»). Так, по данным Международного банка расчетов в Базеле [1], только за двухлетний период с июня 2006 г. по июнь 2008 г. общий объем внебиржевого рынка финансовых деривативов вырос с 370 трлн. долл. США до 684 трлн. Последняя цифра в 12,5 раз превышала объем мирового ВВП (54,3 трлн. долл. США за 2007 г. [2]) за 2008 год. Причем к этой цифре еще нужно добавить 81 трлн. долл. биржевого рынка деривативов (по состоянию на март 2008 г.). Такое невиданное разрастание фиктивного капитала привело к тому, что если в 1973 г. объемы валютных сделок на мировом рынке превышали объемы мировой торговли товарами всего лишь вдвое [3], то в 2007 г. превышение валютных сделок над объемами мирового экспорта товаров составило 86 раз, а с учетом «нетрадиционного» валютного рынка – 148 раз!²

Подобное раздувание фиктивного капитала, в котором ведущую роль играли организаторы внебиржевого оборота деривативов – крупнейшие транснациональные инвестиционные банки (характерно, что именно они стали ключевыми в трансформации финансового кризиса в экономический), способствовало расширению предложения денег и снижению стандартов безопасности кредитования путем перехода к т.н. субстандартным (*subprime*) ипотечным кредитам.

Бурное протекание глобализации, принявшее особо интенсивный характер в 1990-е годы, привело к появлению и обострению ряда важных *глобальных диспропорций и асим-*

²По данным Международного банка расчетов в Базеле на апрель 2007 г [4]. *ежедневный* объем мирового «традиционного» валютного рынка достигал 3,21 трлн. долл. США, из которых 1,71 трлн. приходилось на валютные свопы. В дополнение к этому 2,32 трлн. приходилось на внебанковскую торговлю валютными деривативами. А по данным ВТО [5], *годовой* объем мирового экспорта товаров составил в 2007 г. 13,6 трлн. долл. США.

метрий, создавшими благоприятную среду для зарождения разнообразных «локальных» кризисов. Отмеченные выше процессы мимесиса и подтягивания менее развитых стран под стандарты потребления более развитых привели к лавинообразному нарастанию энергопотребления в мире (следуя примеру страны-лидера – США, на которые приходится примерно $\frac{1}{4}$ всего энергопотребления мира). А поскольку с дефицитом энергии начали дружно по всему миру бороться с помощью внедрения производства биотоплива, то тут же обострилась проблема глобальной нехватки продовольствия. Результат – *кризисы энергетический и продовольственный*, готовившие исподволь последующее наступление глобального финансово-экономического кризиса, поскольку стимулировали инфляционные процессы и ослабляли стимулы к инновациям, вели к замедлению роста конкурентоспособности.

Стали обостряться противоречия между процессами глобализации, подстроенными прежде всего под представления США и других развитых стран Запада, с одной стороны, и интересами эндогенного национального развития менее развитых стран. Возникли асимметрии по линии глобализация – локализация.

Во многих менее развитых странах усугубилось противоречие между более развитым экспорториентированным сектором (по существу, анклавом) и значительно менее развитыми секторами, ориентированными на внутренне потребление – т.н. *эффект двойной экономики*. Указанный эффект в большинстве случаев приводит к гипертрофированной зависимости национального дохода от узкой номенклатуры экспорториентированных отраслей, выпускающих товары с невысоким содержанием добавленной стоимости и сильно зависящей, как правило, от динамики неустойчивой мировой конъюнктуры. В условиях появления первых признаков ограничения внешнего спроса это приводит к драматическому падению доходов национальной экономики и возрастанию ее внешней несбалансированности.

В области международной торговли возросшие асимметрии в положении более и менее развитых стран привели к блокированию Доха-раунда многосторонних торговых переговоров, впавшего в состояние анабиоза, что негативно отразилось на восприятии перспектив роста мировой экономики, повысило интенсивность действия фактора неопределенности, и это способствовало приближению кризиса.

Однако наиболее существенное значение для возникновения и распространения нынешнего глобального кризиса сыграло наличие *глубокого разрыва между процессами либерализации финансовых рынков, принявших практически глобальный характер, с одной стороны, и отсутствием адекватной этому процессу глобальной регулирующей системы* – с другой стороны. Это противоречие впервые отчетливо проявилось в ходе кризиса 1997–1998 годов, однако из этого не были сделаны адекватные выводы относительно реформирования глобальной системы регулирования в целом и глобальной системы финансовых институтов, в частности.

Подобный характер эволюции мировой экономической системы привел к возрастанию ее неустойчивости, увеличению амплитуды рыночных колебаний, поскольку виртуализации подверглись не только финансовые инструменты, но и цены, которые в ряде случаев далеко оторвались от своей реальной экономической основы. Как иначе, чем виртуально формируемыми иррациональными ожиданиями, объяснить безудержный взлет цен на недвижимость, на нефть и газ – с последующим столь же драматическим их падением – вне какой-либо существенной связи с общей динамикой движения макроэкономических индикаторов? Но ведь цены органически связаны со стабильностью и надежностью инструментов финансового рынка, и обвал цен на недвижимость сыграл тут особенно дестабилизирующую роль, лишив адекватного обеспечения огромную ипотечную кредитную массу, раздувшуюся как мыльный пузырь.

Следует учитывать, что указанный фактор недостаточности международного регулирования финансовых рынков тесно связан с самой моделью международной валютной системы, в центре которой был и все еще продолжает оставаться доллар США. В рамках этой системы существует глубоко противоречивое положение, когда глобальная по своей сути валютная система преимущественно организуется и регулируется в своих интересах национальной денежной системой США, что позволяет последним получать односторонние преимущества, в т.ч. посредством неограниченного кредитования своего платежного дефицита. Это существенно добавляет силы потенциалу глобальной финансовой нестабильности. Парадоксально, но в условиях, когда нынешний глобальный кризис был порожден именно внутриамериканскими событиями, доллар США стал играть роль «последнего прибежища» для других стран, ставших жертвами кризисных явлений, так что доллар существенно укрепился, и это расширило возможности американской администрации по финансированию антикризисных мер внутри США. Однако такое «бегство к доллару» при наличии фундаментальных дисбалансов внутри американской экономики в более долгосрочном плане несет с собой существенные риски, поскольку нарастающий как снежный ком государственный долг США может стать впоследствии, в случае неудачи с антикризисной программой, фактором «бегства от доллара».

При анализе международных аспектов нынешнего глобального финансово-экономического кризиса, безусловно, следует иметь в виду, что глобальные тенденции проявляются в каждой отдельно взятой стране *специфически* – в меру ее *институциональной зрелости, структурных характеристик и типа экономической политики*. Так, для Украины особая интенсивность протекания кризисных явлений обусловлена тремя негативными обстоятельствами:

- недостаточно диверсифицированной структурой экономики, которая имеет избыточную степень внешней зависимости по узкому кругу отраслей, которые сталкиваются на мировом рынке с жестким уровнем конкуренции преимущественно по ценовым параметрам и подвержены сильным конъюнктурным колебаниям;
- неоправданно высоким уровнем внешней коммерческой зависимости, которая практически бесконтрольно нарастала в течение 2007–2008 годов, в результате чего внешний коммерческий долг Украины достиг в конце 2008 г. приблизительно 90 млрд. долл. США, причем около 1/3 из этой суммы припадала на краткосрочный долг³;
- отсутствием многих необходимых внутренних структурных реформ, прежде всего в области снижения внешней энергозависимости, что усугубило внешний дисбаланс экономики в условиях быстрого перехода на европейские цены на импортируемый природный газ.

В условиях наличия этих внутренних дисбалансов внешние финансово-экономические потрясения стали катализатором тех негативных изменений, которые все равно рано или поздно должны были произойти.

Сегодня чрезвычайно сложно давать какие-либо прогнозы относительно того, каковы перспективы развития кризисных процессов и их преодоления в будущем. Вместе с тем есть основания для некоторых предположений, основывающихся на учете характера и масштабов нынешнего кризиса, увеличивающейся частоты кризисных явлений в мировом хозяйстве и определенных исторических уроков из прошлого.

Во-первых, можно предположить, что нынешний *системный кризис* вводит нас в новую более-менее продолжительную *историческую полосу общей глобальной неустойчивости*. Она, вероятно, будет характеризоваться цепью потрясений, ведущих к более

³Данные Национального банка Украины по состоянию на 1 октября 2008 года.

сложному, многополярному миру, с более сложной иерархией и организацией. Этот процесс будет сопровождаться эрозией доминирующей глобальной роли США. Хотя, очевидно, процесс этот не будет линейным; он будет характеризоваться и кратковременными периодами восстановления относительно высоких темпов развития мировой экономики в целом и периодами частичного восстановления утрачиваемых США позиций.

В этом плане сегодняшние США можно сравнить с поздней Римской империей, которая еще в 3-ем веке н.э. еще была могущественна, но это могущество неумолимо приближалась к своему завершению, ибо происходило *внутреннее перерождение* империи. И разве нынешние события в США при новом президенте Обаме не напоминают нам о тех процессах⁴? Несмотря на то, что в возникновении кризиса сыграли определенную роль ошибки отдельных финансистов и отдельных государственных деятелей, мы не должны позволить себе не увидеть за деревьями леса. Речь, скорее всего, идет о *начальной фазе периода завершения крупного цивилизационного цикла*, связанного с мировым господством Запада.

Во-вторых, сказанное выше означает, что выход из кризиса не может быть найден на пути *частичных* улучшений нынешней мировой системы. *Системному кризису* должны соответствовать *системные решения*. И они, очевидно, будут иметь явно инновационный характер, вести к становлению новой парадигмы развития. В этом смысле нельзя найти решение нынешних проблем на путях копирования старого опыта или привнесения в менее развитые страны опыта стран более развитых. Здесь возможен лишь путь *совместного поиска новых решений*. В этом плане широкое международное сотрудничество в рамках «Группы 20» (G20) может стать важным фактором, если только в этих рамках будут услышаны голоса менее развитых стран.

В-третьих, для проведения назревших в глобальном масштабе реформ необходимо переосмысление многих теоретических постулатов экономической науки. Новой парадигме развития должна соответствовать новая *парадигма экономической науки*. Впрочем, *экономической ли?* Вероятно, многое в области экономических явлений сегодня уже невозможно адекватно истолковать, оставаясь в прокрустовом ложе исключительно экономического инструментария. Очевидно, нужен широкий междисциплинарный подход. В этом плане следует подвергнуть анализу те аксиомы, которые положены в основу нынешней господствующей парадигмы экономикса – т.н. неолиберального мейнстрима.

Вряд ли мы можем и далее исходить из универсальности теоретической конструкции, построенной из безусловного предположения о рационально действующем индивиду, максимизирующем свое благосостояние в условиях ограниченности ресурсов. Кризисные процессы последнего времени (и не только нынешний глобальный кризис) показали всю условность этих аксиоматических предположений, огромное значение структуры общественных связей индивидов и господствующих в обществе институциональных норм, культурного контекста, которые в значительной мере обуславливают содержание самой категории «благосостояние». Они вскрыли противоречивость мотивационных основ поведения человека, который далеко не всегда действует рационально, особенно в условиях асимметрии информационных потоков и масштабной виртуализации экономического пространства. Появляется новая рациональность, отличная от ранее существовавшей. И даже ограниченность ресурсов в глобальной экономике, становящейся все более виртуальной и характеризующейся масштабными финансовыми инновациями, выглядит все более относительным предположением. Здесь нужен своего рода качествен-

⁴Чего только стоят меры по борьбе с кризисом, охватывающие беспрецедентное вмешательство государства в экономику, намерение обложить богатых дополнительными налогами, что свидетельствует о масштабной коррекции американской неолиберальной модели экономики.

ный скачок, поднимающий науку от анализа частного случая к общему видению картины – такой, как свое время был совершен от геометрии Эвклида к неевклидовой геометрии, от физики Ньютона – к теории относительности Эйнштейна. Без этого нам не выработать научных основ *новой мировой экономики*, органически способной к устойчивому развитию.

Литература:

1. BIS Quarterly Review, December 2008. Statistical Annex. – P. A 103.
2. The World Bank. World Development Indicators database.
3. Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – С. 53.
4. BIS. Foreign exchange and derivatives market activity in 2007: Triennial Central Bank Survey. December 2007. – P. 4, 14).
5. International Trade Statistics 2008